

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

В. Долинин

Борьба за права человека в Ленинграде в 1950-80-е годы

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Dolinin_b.pdf

Перепечатка с сайта центра «Стратегия»
<http://strategy-spb.ru>

URL:<http://www.civisbook.ru>

В. Долинин

Борьба за права человека в Ленинграде в 1950-80-е годы

Тоталитарное государство устойчиво до тех пор, пока ему удастся существенно ограничивать права и свободы граждан, не допускать формирования гражданского общества. Хотя Советский Союз и подписал Всеобщую декларацию прав человека, но в своей внутренней политике ею не руководствовался. Уже в Конституции — основном законе страны — содержались положения, не согласующиеся с духом Декларации. Так, например, разрешая свободно вести атеистическую пропаганду, Конституция не предоставляла права на ведение пропаганды религии. Свобода слова, печати, собраний и митингов допускалась лишь “...в целях укрепления и развития социалистического строя”. При этом в Конституции прямо не говорилось, кто определяет, что соответствует, а что не соответствует декларируемым целям. На практике это делали партийные органы и КГБ. Тем не менее, коммунистическая пропаганда не без успеха создавала миф о том, что советская Конституция — самая демократическая в мире. Этот миф оказался устойчивым, и его разделяла часть либеральной интеллигенции даже в годы Перестройки. Разделяли его и многие западные интеллектуалы.

подавить стремление народа к осуществлению своих прав и свобод, заставить его смириться с тоталитарной системой советскому государству

в полной мере не удавалось никогда. Борьба за гражданские, политические, культурные, национальные права постоянно велась во многих регионах страны. Нашей темой является борьба за права человека в Ленинграде в 1950-80-е годы. В эти годы неконформистская общественность города предпринимала попытки (удачные и неудачные) реализовать свои права на свободу слова и печати, проведение собраний и митингов, создание независимых ассоциаций. Шла борьба за право свободно исповедовать религию, за право на эмиграцию. Иногда эти права осуществлялись явочным порядком открыто, иногда нелегально, в обход антидемократических норм советского государства. Следует отметить, что борьба за цели и ценности, заявленные в Декларации, часто велась, особенно в 1950 – нач.60-х гг., без опоры на текст Декларации, без использования его в качестве инструмента. Этот текст был малодоступен, большинство советских граждан даже не знало о его существовании. Декларация и другие международные правовые документы стали одним из важнейших компонентов идеологии оппозиции с конца 1960-х гг.

Право на свободу распространения информации в советском государстве могло практически реализоваться только в самиздате – независимой общественной печати, не считающейся с идеологическими ограничениями и установками, делавшими официальную печать орудием партийной пропаганды. В 1950-е годы в самиздате преобладала поэзия, печатались и распространялись стихи поэтов Серебряного века, поэтов из Союза писателей, не пропущенные в официальную печать цензурой, стихи поэтов, не входивших в СП и писавших без оглядки на идеологическую конъюнктуру. Реже встречались проза и переводы. Постепенно самиздат становился разнообразнее. С 1960-х гг. расширилось распространение религиозно-философских, политических, исторических произведений, лагерных мемуаров и т.п.

КГБ старался приостановить нарастающий поток свободной печати. Особенно жестко “органы” боролись с периодическими изданиями (журналами, альманахами, бюллетенями), которые стали множиться в ленинградском самиздате с 1950-х гг.. Изолированные одиночки такие издания выпускать не могли. Для выпуска журнала нужна группа единомышленников. В появлении подобных неподконтрольных групп КГБ видел серьезную опасность.

Ленинградский периодический самиздат был в основном литературно-художественным. В тоталитарном государстве официальная

литература предназначалась для утверждения идеологии Партии. Появление в самиздате поэзии и прозы, не отвечавшей задачам коммунистической пропаганды, размывало идеологический монолит общества. Свободная литература способствовала демифологизации сознания советского человека, его большей открытости реальному миру.

Помимо литературных изданий выходили политические, религиозно-философские, журналы, посвященные изобразительному искусству и т.д. Некоторые периодические издания не попадали за пределы узкого кружка, некоторые же получали распространение и вызывали общественный резонанс. Если к независимым литературно-художественным изданиям власти относились относительно терпимо и прекращали их выпуск редко, то с изданиями политической, социальной, религиозной направленности, с информационными бюллетенями решительно боролись. Список арестованных самиздатчиков насчитывает многие десятки фамилий. Первыми арестованными самиздатчиками, которых, среди прочего, обвиняли и в выпуске периодического издания, были члены группы Р.Пименова. В конце 1956 года математик Р.Пименов и его друзья начали издавать листок “Информация”. Пименов предполагал в дальнейшем перейти к изданию свободной газеты. “Информация” включала в себя краткие сообщения о студенческих волнениях, обысках, трудностях с продовольствием в провинции и т.п., политических и социально – экономических новостях, не попадавших в официальную печать. Все сообщения давались без оценок. История арестов издателей независимой периодики не кончилась на авторах и редакторах “Информации”. У свободной журналистики Ленинграда 1950 – нач. 80-х годов была трудная судьба. Свободы печати в нашей стране не было, но свободная печать существовала. Основные политические идеи и идеологические системы (от либерально-коммунистических до патриотических), обсуждавшиеся открытой печатью в годы Перестройки и позже, рассматривались в самиздате – свободной печати эпохи “развитого социализма” – задолго до “горбачевской оттепели”.

Полна драматизма история борьбы за эмиграцию из СССР. Известны многочисленные попытки нелегального перехода советской границы по суше и по морю. Некоторые из них могут послужить основой для остросюжетных приключенческих романов. Возможность легального выезда, но только для евреев, открылась лишь в 1960-е. Однако выезд крайне ограничивался. Это привело к тому, что группа доведенных до отчаяния отказников (евреев и не евреев) в июне 1970-го года

предприняла попытку захвата самолета местной авиалинии в аэропорте “Смольный”. Участники захвата были приговорены к длительным срокам заключения, но в результате этой акции советские власти пошли на резкое увеличение эмиграции. Надо отметить, что “самолетное дело” 1970-го – не первое в Ленинграде. В 1969 году пытался захватить самолет для побега из СССР И.Сили-вончик. Вместе с ним в захвате участвовали его жена и шурин. Попытка была неудачной – Силивончик погиб в перестрелке.

Несмотря на то, что в 1970-е годы возможности для выезда возросли, препятствий на пути за рубеж оставалось много. Отказники в качестве средства борьбы за свои права использовали голодовки, проводили демонстрации, организовывали пикеты, рассылали в советские и международные инстанции письма с протестами против отказов в выезде и преследований. На требования и протесты власти отвечали репрессиями – отказников увольняли с работы, подвергали обыскам и административным арестам, некоторых избивали “неизвестные в штатском”. Целый ряд ленинградских отказников оказался в лагерях. Особенно сложно было добиться выезда не евреям и не немцам. Так, в 1960-м году писатель М.Нарица послал Хрущеву письмо, в котором говорил о своем желании покинуть СССР. Разрешения Нарнца не получил и вскоре был арестован. Однако в 1970-е гг. ситуация стала меняться и некоторые ленинградцы – не евреи – добивались выезда. Выдержав длительные голодовки, получили возможность уехать Э.Ильина, супруги Андреевы и др.

Хотя по Конституции СССР Церковь была отделена от государства, на практике она находилась под бдительным контролем КГБ. Религиозные общины, отвергавшие этот контроль, преследовались, некоторые группы ушли в подполье. Власти оказывали нажим на непокорные религиозные объединения – разгоняли молитвенные собрания, иногда с применением слезоточивого газа, штрафовали, пытались вербовать в среде верующих “стукачей” и т.д. Наиболее активных арестовывали. Среди осужденных Ленгорсудом есть баптисты, адвентисты, кришнаиты. Преследовались и участники полуподпольных религиозно-философских семинаров. Некоторые из них под нажимом КГБ были вынуждены эмигрировать. Руководитель одного из семинаров, В.Пореш, получил 5 лет лагеря и 3 года ссылки по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде (70-я ст. УК РСФСР).

Репрессии, которыми власть пыталась подавить независимые общественные инициативы, не заставили нарождающееся гражданское общество отказаться от борьбы за свои права. Страх, парализовавший страну в период массового террора, отступал. Все больше людей решалось на открытые протесты, на выступления в защиту преследуемых. Иногда это приводило к успеху. Под давлением общественности 10-летний срок заключения, к которому был приговорен в 1957 году Р.Пименов, был сокращен до шести лет. Среди многих вступившихся за Пименова были академик Келдыш и поэт Твардовский. Шквал протестов вызвал суд над И.Бродским в 1964 г. Против преследования поэта открыто выступили десятки молодых ленинградских литераторов. Вместе с ними за Бродского вступились Ахматова, Маршак, Шостакович, Эткинд. В результате срок ссылки, назначенный Бродскому судом, был сокращен более чем втрое. Выступления с открытыми письмами в защиту преследуемых в 1950-60-е годы не были редкостью. Сложилось явление, получившее название “подписантство”. Поначалу протестующие, обращаясь к властям, апеллировали, в первую очередь, к здравому смыслу, гуманности, справедливости и даже к ленинским идеям и решениям Партии. Постепенно все в большей степени в качестве основания для протестов и требований использовались буква советских законов и международные соглашения, подписанные СССР.

Рост правовой культуры и правосознания общества шел медленно. Советские граждане скептически относились к социалистической законности, зная, что власти в своих действиях руководствуются не законом, а произволом. “Прав тот, у кого больше прав” – житейская мудрость, которую разделяло большинство. Редкие люди пытались отстаивать политические и гражданские права опираясь на советские законы. Но такие люди находились – первыми были А.Есенин-Вольпин в Москве, Э.Орловский в Ленинграде и др. В 1960-е сложилось правозащитное движение, добивавшееся своих целей, требуя от властей буквального исполнения советских законов и подписанных Советским Союзом международных соглашений. В столице условия для правозащитной деятельности были благоприятнее, чем в других городах. Правозащитное движение Ленинграда имело тесные связи с московским. Когда в Москве в 1969 сложилась первая в нашей стране открытая правозащитная ассоциация – Инициативная группа защиты прав человека в СССР, – в ее состав вошел ленинградец В.Борисов.

Сотрудничали ленинградские правозащитники и с единомышленниками из других городов страны.

Главным оружием правозащитного движения стала гласность. Поэтому было необходимо наладить сбор, обработку и распространение информации о нарушениях прав человека в Советском Союзе. Решить эту задачу помог самиздат. В 1968 в Москве начала выходить “Хроника текущих событий” (ХТС). В “Хронике” давались краткие сообщения об арестах, обысках, судах и прочих репрессиях, о протестах против репрессий, о положении политзаключенных, национальных проблемах, новинках самиздата и др. Материал, как и в “Информации” Пименова, давался безоценочно. С первого же номера ХТС в ней появились сообщения из Ленинграда. Связь между московской редакцией и ленинградскими правозащитниками продолжалась до полного разгрома “Хроники”. Кроме ХТС, материалы о нарушениях прав человека в СССР помещали и другие самиздатские журналы и бюллетени. Свободная печать привлекала внимание неконформистской части советского общества к проблеме прав человека, способствовала росту правозащитного движения. Поступавшая из Советского Союза информация о борьбе за права человека повлияла на зарубежную общественность. Сначала ХТС, а затем правозащитные организации демократических стран активно поддерживали советских правозащитников, защищали политзаключенных.

Материальная помощь политзаключенным и их семьям стала важной частью правозащитной деятельности. Уже в 1950-е гг. в Ленинграде проводился сбор денег и теплой одежды для узников. Правда, сначала этим занимались только друзья и знакомые репрессированных. Но по сравнению с 1930-40-ми годами ситуация изменилась — семьи арестованных больше не оказывались в изоляции. Постепенно формы материальной поддержки репрессированных совершенствовались. В 1974 году А.Солженицын создал Русский общественный фонд помощи политзаключенным и их семьям. Первоначально распорядителем Фонда в Ленинграде была В.Исакова, жена политзаключенного Г.Давыдова. После ее эмиграции в 1979 году распорядителем Фонда стал В.Репин. Исакова и Репин, действуя практически открыто, предоставляли деньги Фонда родственникам политзаключенных ленинградцев для оплаты услуг адвокатов, для поездки в лагеря на свидания и т.п. Кроме того, они помогали доставать дефицитные продукты питания для посылок, собирали информацию о политзаключенных и передавали ее в

правозащитные издания и зарубежные средства массовой информации. В конце 1981 года Репина арестовали. КГБ удалось заполучить архив Фонда. Это было тяжелым ударом для правозащитного движения. Дальнейшая деятельность Фонда в Ленинграде была законспирирована.

Во многих регионах страны, в т.ч. и в Ленинграде, действовал Совет родственников узников евангельских христиан-баптистов в СССР. Он собирал средства для поддержки арестованных единоверцев и их семей. Кроме того, Совет издавал Информационный бюллетень, в котором говорилось о преследованиях верующих. Бюллетень широко распространялся среди правозащитников.

В особо трудных условиях находились политзаключенные, которых подконтрольные КГБ психиатрические комиссии признавали больными и направляли на принудительное “лечение” в психбольницы. Они не имели даже тех скудных прав, которые были у заключенных в лагерях. Борьба против психиатрических репрессий стала составной частью правозащитной деятельности. Первым против использования психиатрии в политических целях выступил ленинградец С.Писарев. В 1953 году он был помещен в спецпсихбольницу на Арсенальной ул. за письмо Сталину, в котором говорил о том, что “дело врачей” сфабриковано. После смерти Сталина и прекращения “дела врачей” Писарев вышел на свободу. Он начал добиваться расследования случаев психиатрических репрессий. В результате в 1956 году большая группа заключенных психбольниц была освобождена, и психиатрические репрессии прекратились, но через несколько лет возобновились снова. Возобновилась и борьба в защиту “пациентов” психотюрем. Гласность была важнейшим средством этой борьбы. Большой резонанс, например, имела статья узника спецпсихбольницы ленинградца Б.Евдо-кимова “Вариант газовой камеры”, опубликованная в журнале НТС “Посев” в 1971 году. В ней Евдокимов рассказал о людях, подвергшихся психиатрическим репрессиям, об условиях, в которых содержались заключенные. Порой политзаключенные психбольниц в борьбе за свои права прибегали к крайним мерам. Так ленинградцы В.Борисов и В.Файнберг объявляли голодовки, продолжавшиеся до двух месяцев (1970).

В 1977 году была создана Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях. Комиссия работала в Москве, но имела тесные связи с правозащитниками - ленинградцами. Первый номер Информационного бюллетеня Комиссии (июль 1977 года) открывался материалами о психиатрических репрессиях в Ленинграде —

принудительных помещениях в психбольницы священника о. Льва (Кони́на) и верующего В.Веретенникова.

Активной силой, принимавшей участие в правозащитной борьбе в Ленинграде, было независимое культурное движение. Не признававшие социалистический реализм писатели, поэты, художники, критики боролись за свободу творчества, за возможность легального доступа своих произведений к читателю и зрителю. Независимое культурное движение (самоназвания “вторая культура”, “нонконформистская культура” и т.п.) начало складываться в Ленинграде в 1950-е гг. К середине 1970-х это было целостное явление, формы деятельности которого (самиздатская печать, квартирные выставки, чтения, семинары и конференции) обрели традиции и устойчивость. Культурное движение не ограничивалось исключительно творческими задачами. Литераторы и художники участвовали и в правозащитных акциях. Отстаивая гражданские права, они выходили на демонстрации, подписывали письма в защиту преследуемых, собирали деньги в помощь семьям арестованных и т.д. КГБ боролся со свободной культурой своими методами. Громким было дело художников О.Волкова и Ю.Рыбакова (1976), писавших по ночам на стенах домов лозунги, среди которых были и правозащитные. Волкова приговорили к семи, Рыбакова к шести годам лагерей. Получили лагерные сроки активисты культурного движения Ю.Вознесенская и В.Филимонов. Некоторых КГБ заставил эмигрировать, некоторые подвергались административным арестам, увольнялись с работы, предупреждались по Указу ПВС СССР от 25 декабря 1972 г. и т.п. Мастерские нескольких художников были подожжены. Во время одного из таких поджогов погиб художник Е.Рухин.

Независимое культурное движение стремилось добиться легальных форм существования. Его успехом стали выставки свободного искусства в д/к им.Газа (1974) и д/к “Невский” (1975). Литераторы смогли создать первую в городе политически не ангажированную легальную общественную ассоциацию – Клуб-81 (1981). Клуб объединил около 70 поэтов, прозаиков, драматургов, критиков, искусствоведов, которые писали для самиздата и тамиздата. КГБ попытался подчинить себе Клуб. Один из членов Клуба был арестован по 70-й статье УК (1982), другого преследовали за его политически заостренную прозу. В этой ситуации Клуб повел себя не так, как рассчитывали “органы”. Литераторы практически единодушно выступили в защиту преследуемых товарищей. В

последующие годы Клуб-81 продолжал занимать активную правозащитную позицию.

С независимыми ассоциациями, декларировавшими среди своих целей правозащитные, КГБ обходился жестче. В конце 1978 года группой москвичей и ленинградцев (В.Борисов, Л.Волохонский, Н.Никитин и др.) был создан профсоюз – Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ). В Заявлении о создании нового профсоюза говорилось: “...СМОТ ставит своей целью защиту своих членов в случаях нарушения их прав в различных сферах их жизнедеятельности – в экономической, социальной, культурной, духовной, религиозной, бытовой и политической – всеми доступными ему способами в рамках действующей Конституции и международных соглашений, подписанных советским правительством”. С 1978 года начал выходить Информационный бюллетень СМОТа (ИБ). На титульном листе ИБ указывалась как место издания Москва, хотя до 1982 года он готовился главным образом в Ленинграде. С первых же номеров Бюллетень приобрел правозащитный характер. Это было связано с репрессиями, которые КГБ начал против СМОТа сразу после его образования. Первая редакция Информационного бюллетеня после ареста Л.Волохонского и Н.Никитина (1979) и принудительного выдворения из СССР В.Борисова (1980) распалась. Новую редакцию создали ленинградцы В.Долинин и Р.Евдокимов. Возрожденный ИБ уделял основное внимание социально-экономической проблематике, увязывая ее с правозащитной. Главную причину экономического кризиса в СССР, очевидного на грани 1970-80-х гг., авторы Бюллетеня видели в скрытом противоборстве между антидемократическим государством, не считающимся с интересами граждан, и бесправными гражданами, не считающимися с интересами государства.

В 1982 году Долинин и Евдокимов были арестованы. В очередной раз ИБ возродился в 1987 году в Москве после возвращения из лагерей активистов СМОТа.

Правозащитную направленность, наряду с религиозной и культурной, имело и сложившееся в 1979 г. в Ленинграде феминистическое движение. Репрессии на его участниц обрушились после выхода в самиздате первого феминистического альманаха “Женщина и Россия” (осень 1979 г.). Начались обыски, допросы и т.п. Это не остановило движение. Был создан феминистический клуб “Мария”, начал выходить журнал того же названия. Одной из важнейших

тем журнала стала защита преследуемых. Феминистки, вместе с участниками религиозно-философского семинара, провели первую в нашем городе демонстрацию в День прав человека. Это произошло 10 декабря 1979 года на площади перед Казанским собором. В 1980 году они попытались организовать кампанию по разъяснению солдатским матерям агрессивной сущности войны в Афганистане и призвать их к протестам против отправки сыновей на эту войну. После многомесячного нажима КГБ удалось выдворить за рубеж активисток феминистического движения. В 1980 году, в период “предолимпийской чистки” города, уехали Ю.Вознесенская, Т.Горичева, Т.Мамонова и др. В марте 1982 года была арестована Н.Лазарева с подготовленным ею седьмым номером “Марии” в руках. Это был второй арест Лазаревой по политическому обвинению. Издание “Марии” прекратилось.

В начале 1980-х гг. правозащитное движение в нашем городе понесло тяжелые потери. Внимание правительств стран Запада и зарубежной общественности сосредоточилось на войне в Афганистане, отношения СССР с демократическими странами были испорчены. Поддерживать видимость соблюдения прав человека советскому правительству стало не обязательно, и у КГБ были развязаны руки. Власти попытались добить оппозицию, в т.ч. движение за права человека. Отчасти это удалось. Выдворения за рубеж и аресты активистов ослабили правозащитное движение, но разгромить его до конца было уже невозможно. Формирование основ гражданского общества приняло необратимый характер. Оппозиция была загнана в подполье, но не сдалась. Правозащитные акции порой нарушали спокойствие властей. Например, в марте 1986 года на стене Петропавловской крепости появилась многометровая надпись: “Свободу Сахарову!”. Автор надписи, преподаватель СЗПИ В.Хроменков, был арестован и приговорен к четырем с половиной годам лагерей. В декабре 1986 года Сахаров вернулся из горьковской ссылки, а Хроменков продолжал сидеть. Только в мае 1987 г., после многочисленных протестов, он вышел на свободу.

Важной стороной правозащитной работы, способствовавшей формированию гражданского общества, была просветительская деятельность. Она осуществлялась в основном через самиздат. В самиздате можно было встретить Всеобщую декларацию прав человека (известны случаи, когда КГБ на обысках изымал ее машинописные перепечатки), статьи А.Сахарова, ХТС, документы правозащитных групп и мн. др. Печатались правозащитные материалы в самиздатских

периодических журналах и бюллетенях Ленинграда. В журнале религиозно-фило-софского семинара Пореша-Огородникова “Община” (1979), в реферативном журнале самиздата “Сумма” (1979-82), в уже упоминавшихся ИБ СМОТа, “Марии” и т.д.

В числе правозащитных материалов были и инструкции по поведению при столкновениях с репрессивными органами. Среди них “Письмо из России в Россию” ленинградца Я.Винько-вещкого, “Юридическая памятка” А.Есенина-Вольпина, “Посо-бие по психиатрии для инакомыслящих” С.Глузмана и В.Буков-ского, “Как вести себя на обыске” В.Альбрехта. В 1982 году Альбрехт приезжал в Ленинград и на квартирах диссидентов читал лекции о юридически грамотном и безопасном поведении на допросах в КГБ.

Значительную роль в правозащитном просвещении играли зарубежные средства массовой информации. Материалы, поступающие из СССР по каналам правозащитного движения, возвращались назад в виде тамиздата, использовались в передачах западных радиостанций, вещавших на языках народов Советского Союза.

Во второй половине 1980-х гг. возможности осуществления политических и гражданских прав явочным порядком резко возросли. Знаком глубоких перемен в стране стало освобождение (без реабилитации) в феврале-марте 1987 года почти всех политзаключенных. Общественная жизнь активизировалась, “молчаливое большинство” пробуждалось от тоталитарной спячки. Появлялись новые независимые печатные издания. Правозащитные материалы помещали журналы “Демократия и мы”, “Меркурий”, “Петербург” и др. Ленинград стал одним из главных центров свободной печати в СССР. Не случайно именно в нашем городе в 1987 году прошла Первая Всесоюзная Конференция редакторов независимых изданий. Смелее становились и официальные средства массовой информации. Традиционный самиздат утратил монополию на свободу слова. Первым открытым правозащитным объединением, возникшим в нашем городе на волне Перестройки, стала Ленинградская группа Международного общества прав человека (МОПЧ). Ее создали осенью 1987 года бывшие политзаключенные. МОПЧ активно занялся правозащитной деятельностью, издавал свой самиздатский “Информационный вестник”. В 1989 году Ленинградской группе удалось провести конференцию по карательной психиатрии и встречу представителей правозащитных групп из разных городов СССР. КГБ не

оставлял МОПЧ без своего внимания – председатель Группы Р.Евдокимов некоторое время вынужден был скрываться.

Правозащитные задачи поставило перед собой общество “Мемориал”, в создании которого главную роль сыграли бывшие политзаключенные и жертвы политических репрессий. Среди этих задач содействие полной реабилитации всех репрессированных, правовая помощь жертвам политических репрессий, содействие развитию гражданского и правового сознания общества и т.д. Учредительная конференция Ленинградского отделения Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества “Мемориал” прошла в марте 1989 г. (Работа, непосредственно предшествующая созданию Общества, началась в 1987 г.).

Некоторые новые правозащитные ассоциации оказались недолговечными – Ленинградская группа Международной Амнистии, Комитет защиты Матиаса Руста и др.

Целый ряд объединений ставил своей основной целью борьбу за право на эмиграцию. Среди них Ассоциация свободного передвижения и эмиграции (1987), “Свобода эмиграции для всех” (1988), ассоциация “Интерконтакт” (1989) и т.п.

Наряду с чисто правозащитными ассоциациями возникали организации, для которых правозащитная деятельность была в ряду приоритетных. Так, среди главных целей, заявленных Северо-Западным отделением партии Демократический Союз, была “защита политических, гражданских и религиозных прав граждан”. В той или иной степени все объединения демократической ориентации ставили перед собой задачи, согласующиеся с положениями Декларации прав человека и других международных правовых документов. К концу 1980-х гг. в Ленинграде сложилось массовое демократическое движение, для которого права человека являлись важнейшей ценностью.

Власть стремилась удержать общественное движение в рамках лояльности к коммунистической системе. Добиваться этого без репрессий она не умела. Разгоны несанкционированных митингов, административные аресты, штрафы, задержания распространителей независимой печати обычны для второй половины 1980-х. В конце 1988 года КГБ возбудил последнее в нашем городе дело по 70-й ст. УК (дело № 64). На квартирах нескольких бывших политзаключенных и руководителей ДС прошли обыски. Десятки активистов радикально-демократических организаций вызывались на допросы. КГБ попытался

нейтрализовать в первую очередь радикальное крыло демократического движения города. Но эта попытка оказалась неудачной — в защиту преследуемых радикалов выступила демократическая общественность, занимающая более умеренные позиции. Обстановка в стране менялась быстрее, чем продвигалось следствие у КГБ. В 1989 году изменилась формулировка 70-й статьи и дело пришлось закрыть.

Коммунистический режим сдавал свои позиции постепенно. Если в 1987-88 гг. митинги, посвященные Дню советских политических заключенных (30 октября), разгонялись, то в 1989 году многотысячный митинг у СКК прошел без препятствий со стороны властей.

В борьбе за права человека демократическое движение города было едино. Достаточно вспомнить сбор подписей в защиту А.Сакалаускаса, солдата, ставшего жертвой дедовщины и расстрелявшего своих мучителей, общественную кампанию против Указа ПВС СССР от 28 июля 1988 г. “О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР” и многое другое. Единым демократическое движение было и в день похорон правозащитника А.Сахарова. В этот день, 18 декабря 1989 года, несанкционированное шествие десятков тысяч ленинградцев прошло через весь город — от СКК до Кронверкской набережной. Власти не решились остановить колонну.

Формирующееся гражданское общество конца 1980-х осваивало правозащитные идеи, стремилось к построению демократического государства, уважающего права человека. Многим казалось, что построение такого государства возможно уже в ближайшем будущем. Быстрые перемены в стране вызвали немало иллюзий и неоправданных надежд. Но эти иллюзии и надежды были характерны, главным образом, для той части общества, которая пробудилась лишь в годы разрешенной гласности.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ:

1. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. — Вильнюс — Москва: “Весть”. 1992.
2. Блох С., Раддауэй П. Диагноз: инакомыслие. Лондон: ОРІ. 1981.
3. Вести из СССР. ТТ. 1-5. Мюнхен.
4. Конституция общенародного государства. — Москва: Изд-во полит. лит-ры. 1978.
5. Международная защита прав и свобод человека. — Москва: “Юридическая литература”. 1990.

6. Мария. №№ 1-3. – Ленинград – Франкфурт-на-Майне. 1981-1982.
7. Нарича М. После реабилитации // Вольное слово. Вып. 43. Франкфурт-на-Майне: “Посев”. 1981.
8. Общественные движения Ленинграда. Информационный бюллетень. – Ленинград. 1989.
9. Пименов Р.И. Воспоминания // “Память”. Исторический сборник. Вып.2. – Москва, 1977 – Париж, 1979: YMCA-Press. СС. 160-260; Вып.3. – Москва, 1978 – Париж, 1980. СС. 7-119.
10. Самиздат: По материалам конференции “30 лет независимой печати. 1950-80 годы”. Санкт-Петербург, 25-27 апреля 1992 г. – СПб.: НИЦ “Мемориал”. 1993.
11. Своими силами: Антология независимой журналистики 1987-1988 гг. – Франкфурт-на-Майне: “Посев”. 1989.
12. Сила духа. Вып.5.
13. “СМОТ”: Информационные бюллетени // Вольное слово. Вып. 34. – Франкфурт-на-Майне: “Посев”. 1979.
14. Столыпин А.П. На службе России. – Франкфурт-на-Майне: “Посев”. 1986.
15. Уголовный кодекс РСФСР. – Москва: “Юридическая литература”. 1971.
16. Христианский семинар // Вольное слово. Вып. 39. – Франкфурт-на-Майне: “Посев”. 1980.
17. Хроника текущих событий. Вып. 1-15 и 16-27. – Амстердам: Фонд им. Герцена. 1979; Вып. 28-64. – Нью-Йорк: “Хроника”. 1974-1983.
18. Эткин Е. Процесс Иосифа Бродского. – Лондон: ОРІ. 1988.